идеология определенных слоев русского общества, которая ранее находила непосредственный выход лишь в устной поэзии. Естественно, что писатели демократического направления черпают в фольклоре темы, сюжеты, образы, средства художественной изобразительности. Но знаменательно, что к фольклору охотно обращаются не только авторы, связанные с городским посадом, но и писатели, принадлежавшие к боярской и дворянской среде, — от Авраамия Палицына до Н. А. Квашнина-Самарина (особенно характерно в этом отношении «Послание дворянина к дворянину» И. Фуникова).[4] При этом, в отличие от преимущественно стихийного фольклоризма средневековой письменности, в XVII в., по наблюдению Д. С. Лихачева, имеет место «вполне сознательное обращение к фольклору, к фольклорным произведениям как к определенному стилю».[5] Изменяется, следовательно, идеологическая и эстетическая функция фольклора в литературном процессе. С расширением и демократизацией самой аудитории, к которой теперь апеллирует писатель, в сознании последнего возрастает значение фольклора как средства воздействия на не слишком искушенного в книжной премудрости читателя.

Проникновение фольклора в русскую литературу XVII в. приобретало самую различную направленность и самые различные формы. В одних случаях переносилась сама идеология народных масс, в других — фольклорные элементы эклектически включались в чуждую массам идеологическую систему. В одних случаях элементы устнопоэтического стиля инкрустировались в инородную стилистическую структуру, в других — достигался органический сплав фольклорной и книжной традиций. В одних случаях писатель использовал какой-нибудь один фольклорный жанр, в других — синтезировал элементы разных жанров, создавая сложное по жанровой природе произведение («Повесть о Горе и Злочастии»). Сама жанровая система литературы XVII в. находится в определенной зависимости от процесса ее фольклоризации. Появление новых жанров Д. С. Лихачев объясняет отчасти «вакуумом, созданным отступлением фольклора» из повседневного быта русского общества.[6] Но характерно, что такое «отступление» имело своим следствием своеобразное «наступление», вторжение фольклора как раз в сферу этих новых жанров — и в области сатирической повести, и в области авантюрной повести, и в области любовной лирики, и даже в области театрального искусства (интермедии, во многом обязанные фольклору — польскому, украинскому, белорусскому, русскому).[7]

Необыкновенная популярность переводного рыцарского романа и одновременно нарастающий интерес к русскому народному эпосу, побуждающий знатоков былин и сказок не только их фиксировать, но и пересказывать, — эти, казалось бы, столь разные тенденции в литературном процессе — составляют в сущности два встречных потока. Рыцарский роман

---

[4] В. П. Адрианова-Перетц. Исторические повести XVII века и устное народное творчество, стр. 74—76; О. А. Державина. К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести XVII века. — Ученые записки Московск. гос. пед. инст. им. Покровского, т. LXVII, вып. VI, 1957, стр. 77—91; А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958, стр. 14—21; В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века, стр. 20—23.

[5] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 79.

[6] Там же, стр. 64.

[7] См., например, вступительную статью Н. К. Гудзия в сб.: Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Київ, 1960, стр. 29; Паулина Левин. Восточнославянские интермедии. — В сб.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 194—205; Paulina Lewin. Intermedia wschodnio-słowiańska XVI—XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.